

УДК 81-112

**СИНХРОННО-ДИАХРОННЫЙ АНАЛИЗ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ГНЁЗД ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ
(на примере корневых морфем -ход-, -ид-, -шед-)**

О.И. Дмитриева, О.И. Янковский

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, 410012, Россия*

Аннотация

В статье даётся обоснование принципов и методики синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем русского языка, рассматриваются возможности изучения исторической динамики словообразовательного гнезда как основной макроединицы соответствующей языковой системы. В поле анализа находятся глаголы движения с корнями -ход-, -ид-, -шед-, имеющие как этимологические, так и структурно-семантические связи в истории русского языка. Значимость этих единиц в языковой картине мира обусловила ранний процесс формирования глагольных гнёзд, их сложную структуру и объём.

Показано, что динамика формирования каждого из гнёзд определяется как общими закономерностями языковой эволюции (образование глагольных и именных парадигм в их структуре, появление новых словообразовательных моделей, словообразовательное варьирование, процессы, связанные с развитием категорий возвратности и оценочности в языке), так и индивидуальными структурно-семантическими особенностями.

Ключевые слова: динамика языка, синхронно-диахронный метод, семантико-словообразовательная подсистема, словообразовательное гнездо, глаголы движения, словообразовательное варьирование

Решение проблем словообразовательной динамики способствует выявлению закономерностей развития соответствующего механизма языка и формирования отдельных процессов в области словообразования, таких, например, как префиксация, редупликация, конфиксация (см. подробнее [1–3]), а также определению закономерностей эволюции отдельных словообразовательных подсистем (см. [4, 5]).

Взгляд на диахронию как на процесс в его развитии, а не на простую смену синхронических состояний был наиболее отчётливо выражен И.А. Бодуэном де Куртеном: «Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся, это частный случай движения при условии минимальных изменений» [6, с. 349]. По справедливому утверждению учёного, необходимо соблюдать хронологический принцип, то есть объективность по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка. В основе этого положения лежит понимание того, что

1) язык развивается в течение многих веков, 2) каждый период создаёт нечто новое в его развитии и 3) при незаметном переходе с одного исторического этапа на следующий формируется основа для дальнейшего развития. Задача исследователя состоит в том, «чтобы подробным рассмотрением языка в отдельные периоды определить его состояние, сообразное с этими периодами, и только впоследствии показать, каким образом из строя и состава языка предшествующего времени мог развиваться состав последующего» [6, с. 67–68].

Представление о непрерывности словообразовательной динамики лежит в основе нашего подхода к историческому изучению соответствующих языковых явлений и процессов. Он базируется на традициях Казанской лингвистической школы (см. [2, 6–10]). К числу её главных принципов следует отнести последовательно исторический подход к изучаемому объекту с обязательной опорой на большой языковой материал. Принцип системности позволяет нам опираться на положения общей теории языка и использовать разные приёмы анализа. По справедливому замечанию Г.А. Николаева, диалектическая взаимосвязь синхронного и диахронного подходов к фактам словообразования представляет единственно верный путь рассмотрения словообразовательных явлений, так как в таком случае эти явления исследуются исходя «из системного статуса изменяющихся объектов... а относительная стабильность языковых фактов в определённый исторический период осмысливается как этап в постоянном развитии языка» [8, с. 6]. Эта основополагающая позиция Казанской лингвистической школы способствует преодолению сосюровского противопоставления системного, то есть синхронного, и диахронного (будто бы лишённого системности) подходов к языку. В этой связи показательны высказывание Л.И. Баранниковой, сделанное в одной из статей: «Сам факт признания двух разных подходов к языку: синхронного, опирающегося на системный анализ языковых фактов, и диахронного, лишённого будто бы такой опоры, вызвал необходимость преодоления существующего противопоставления и прежде всего использования системных связей в диахронических исследованиях» [11, с. 5]. Важно подчеркнуть, что словообразование, то есть образование новых слов, развёртывается во времени, «поэтому словообразование в своей сущности исторично... и имплицитно представляет представление о процессе» [12, с. 17].

Принцип комплексного и многоаспектного анализа семантико-словообразовательных подсистем определяется действием многих факторов в ходе развития соответствующей системы языка: структурных, лексико-семантических, жанрово-стилистических, социокультурных, когнитивных [13].

Применение *синхронно-диахронного метода* к исследованию словообразовательных процессов и подсистем соотносится с представлением о словообразовательной динамике как о непрерывном движении в языке. Каждый исторический период состояния той или иной подсистемы, того или иного процесса осмысливается как этап в постоянном развитии языка. Как и в большинстве синхронно-диахронных исследований, этапы языковой динамики обозначаются нами в соответствии с основными периодами письменной истории русского языка:

- 1) древнерусский период (X – XIV вв.);
- 2) старорусский период (XV – XVII вв.);

3) период формирования единого национального литературного языка (XVIII – нач. XIX в.);

4) современный русский литературный язык (сер. XIX – XXI в.).

Материальная база исследования – Национальный корпус русского языка (НКРЯ), а также разного рода лексикографические издания (этимологические, исторические и др.):

- Словарь Академии Российской (САР);
- Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.) (СДРЯ);
- материалы И.И. Срезневского (Срезн.);
- Словарь русского языка XI – XVII вв. (СлРЯ XI–XVII);
- Словарь русского языка XVIII в. (СлРЯ XVIII);
- Словообразовательный словарь русского языка, составленный А.Н. Тихоновым (ССРЯ);
- Этимологический словарь славянских языков (ЭССЯ);
- Большой толковый словарь русского языка (БТС).

Все приводимые в данной статье иллюстративные примеры – цитаты, взятые из них.

Словообразовательное гнездо – комплексная единица, которая является семантико-словообразовательной подсистемой, значимой и интересной как в структурно-семантическом отношении, так и в связи с категориями ментальности носителей языка (см. [14–17]). В этом аспекте глаголы движения как объект соответствующего анализа, несомненно, представляют научный интерес, поскольку движение – одно из базовых семантических и философских понятий, немаловажный фактор человеческого восприятия мира. Представляется, что в исследованиях синхронно-диахронного характера правомерно говорить об этимолого-словообразовательных и корневых гнездах, поскольку в поле рассмотрения попадают на разных исторических этапах все производные слова, в том числе утратившие в ходе языковой эволюции связь с семантикой движения.

Гнезда глаголов движения с корнями *-ид-*, *-ход-*, *-шед-* сформировались уже в древнерусском языке и относятся к подлинным макроединицам словообразовательной системы. Исследование их исторической динамики, составляющее цель данной статьи, способствует, как представляется, выявлению закономерностей развития словообразовательной системы в целом.

Основы *ид-* и *ход-*, по данным Этимологического словаря славянских языков, имеют праиндоевропейский характер и, несмотря на близость значений, не являются родственными. Так, *ход-* соотносится с праиндоевропейским **sod-*, являющимся *o*-ступенью к более древней основе **sed-* ‘сидеть’, которая изначально имела значение ‘передвигаться, сидя в повозке’, то есть соединяла в себе семантику движения и положения человека, а уже позже возникла омонимия **sed I* ‘сидеть’ и **sed II* ‘передвигаться’ (ЭССЯ, вып. 8, с. 51). Что касается *ид-*, то эта основа восходит к праиндоевропейскому **eġ-* со значением однонаправленного движения (ЭССЯ, вып. 8, с. 248). В свою очередь, *-шед-* возводится к праславянскому **šed*, что может быть соотнесено с **hod* (после перехода корневого **o > *e* и первой палатализации **h > *š*).

Взаимодействие трёх основ глаголов движения – редкий для русского языка случай двойного супплетивизма, при котором производные глаголы с корнями *-ид-* и *-ход-* связаны видовыми отношениями и семантико-грамматическим показателем однонаправленности/разнонаправленности движения, а глаголы с корнями *-ид-* и *-шед-* объединены семантикой времени. Кроме того, основы *ход-* и *шед-* слиты этимологически. Последняя имеет ряд алломорфов, встречающихся в многообразных формах и разных частях речи: *-и/-ше-/ил-/шед-/шел-*.

Уже в **древнерусском** языке можно обнаружить десятки дериватов с корнями *-ид-*, *-ход-*, *-шед-*, образующих несколько сформированных словообразовательных парадигм. По данным выше обозначенных нами лексикографических источников, словообразовательное гнездо с корнем *-ход-* в период с XI по XIV вв. включает 160 слов, с корнем *-ид-* – 45 слов, а с корнем *-шед-* – 75 слов.

Древнерусские дериваты с корнем *-ид-* образуют прежде всего парадигму префиксальных глаголов (85% от общего состава словообразовательного гнезда). Приставки в древнерусском языке в сочетании с глагольными основами выражали главным образом пространственно-результативное значение [1, с. 146]. Например, по данным Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.), основным выразителем значения ‘выйти, уйти откуда-либо’ был глагол **изити** (СДРЯ, т. 4, с. 10), а значение ‘перебраться, переправиться’ до XIV в. чаще выражалось словом **преити** (СДРЯ, т. 8, с. 168), а не **перейти** (СДРЯ, т. 6, с. 372) (на что указывает количество словоупотреблений в текстах – 364 и 80 соответственно).

Заметим, что многие префиксальные глаголы с корнями *-ид-* и *-ход-* в древнерусский период составляют видовые пары, о чём свидетельствует тождество их первичных значений. Так, в XI – XIV вв. уже коррелировали **приходити** ‘прибывать куда-либо’ (СДРЯ, т. 8, с. 618) – **принити** ‘прибыть куда-либо’ (СДРЯ, т. 8, с. 436); **преходити** ‘переходить, переправляться’ (СДРЯ, т. 8, с. 326) – **преити** ‘перейти, переправиться через что-либо, куда-либо’ (СДРЯ, т. 8, с. 168); **доходити** (СДРЯ, т. 3, с. 75) – **доити** (СДРЯ, т. 3, с. 35); **въходити** (СДРЯ, т. 2, с. 229) – **вънити** (СДРЯ, т. 2, с. 183); **изъходити** (СДРЯ, т. 4, с. 119) – **изити** (СДРЯ, т. 4, с. 10); **находити** (СДРЯ, т. 5, с. 211) – **наити** (СДРЯ, т. 5, с. 149) и некоторые др., что, безусловно, является свидетельством раннего характера формирования указанных отношений в рассматриваемой группе глаголов.

Многие префиксальные глаголы с корнем *-шед-* имеют отличия в своей семантике от глаголов с корнями *-ид-* и *-ход-*, образованных по тем же словообразовательным моделям. В качестве примера можно привести слово **изшьствовати** ‘прийти к чему-либо, понять, осознать’ (СДРЯ, т. 4, с. 131), лексическое значение которого имеет метафорический характер. Первичное значение слов **изыти** и **изходити** ‘выйти/выходить откуда-либо, оставить/оставлять пределы чего-либо’ (СДРЯ, т. 4, с. 10, 119). Глаголы с корнем *-шед-* и приставками *въ(н)-*, *от-*, *пере-*, *объ-*, являющимися выразителями конкретной пространственной семантики, отсутствуют в языке данного временного среза. Большинство древнерусских глагольных производных с *-шед-* можно отнести к композитам: **прежештьствовати** ‘идти вперёд или впереди’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 229); **мимошьствовати** ‘проходить мимо чего-либо’ (СДРЯ, т. 4, с. 537); **коупльшьствовати**

‘приобретать’ (СДРЯ, т. 4, с. 334); **поѣтъшествовати** (СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 61); **пѣшьствовати** (**пѣшьшествовати**) ‘идти пешком’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 41).

Сложение основ, наряду с полипрефиксацией, характерно и для древнерусских словообразовательных гнезд с вершиной *ид-* и *ход-*: **прѣвъзходити** (СДРЯ, т. 8, с. 46) – **прѣвъзити** (СДРЯ, т. 8, с. 41), **новоприходити** (СДРЯ, т. 5, с. 423) – **новоприити** (СДРЯ, т. 5, с. 423), **преизходити** (СДРЯ, т. 8, с. 166) – **преизити** (СДРЯ, т. 8, с. 163) и др.

Потенциал глаголов с *-ход-* значительно выше, чем с *-ид-*, однако большая частотность употребления первых в древнерусских памятниках очевидна: **мимоити** (90)¹ – **мимоходити** (42) (СДРЯ, т. 4, с. 535, 536); **възити** (474) – **възходити** (260) (СДРЯ, т. 2, с. 64, 137); **въити** (109) – **въходити** (9) (СДРЯ, т. 2, с. 242, 258); **изити** (947) – **изходити** (387) (СДРЯ, т. 4, с. 10, 119); **преити** (364) – **преходити** (233) (СДРЯ, т. 4, с. 168, 326); **прити** (~ 5000) – **приходити** (> 1100) (СДРЯ, т. 8, с. 436, 618), что может определяться жанровым своеобразием древнерусских текстов (жития, летописи, слова), предполагающих преобладание перфектных глагольных форм.

Динамический анализ отдельных словообразовательных гнезд, нашедший отражение в наших работах (см. [17–19]), позволяет утверждать, что в древнерусский период в их структуре уже формируются отдельные именные парадигмы:

1. Отглагольные производные, образованные путём нулевой суффиксации: **ходъ** (Срезн., т. 3, ч. 2, стб. 1382), **приходъ** (СДРЯ, т. 8, с. 623), **въходъ** (СДРЯ, т. 2, с. 230), **овноходъ** (СДРЯ, т. 5, с. 485), **пронсходъ** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 142).

2. Имена лиц, выполняющих действие, образованные суффиксальным способом при помощи формантов *-никъ-*, *-ьць-*: **възходникъ** (СДРЯ, т. 2, с. 139), **въходникъ** (СДРЯ, т. 2, с. 231); **шьстьникъ** ‘пеший воин’ (Срезн., т. 3, ч. 2, стб. 1382), **скорошьствьникъ** ‘скороход’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 24, с. 252), **ошьльникъ** ‘отшельник’ (СДРЯ, т. 6, с. 332), **зашьльць** ‘пришлый человек’ (СДРЯ, т. 3, с. 358), **пришьльць** ‘пришелец, странник’ (СДРЯ, т. 8, с. 647). Пример употребления последнего производного:

Святаѣ соѣне: помилжи: раба своего никола пришьльца: ис кыева града
(СДРЯ, т. 8, с. 647).

Отдельного замечания заслуживает также пара **ошьльникъ** и **отъшьльникъ**. Вторая лексема, которую мы используем в речи и сегодня (см., например, словарь С.И. Ожегова²), в древнерусском языке была менее частотна и имела одно значение ‘отшельник’ (СДРЯ, т. 6, с. 302), в то время как **ошьльникъ** использовалось и в значении ‘тот, кто отказывается от послушания’ (СДРЯ, т. 6, с. 332):

**Бл҃жеѣ же ошѣлници. мл҃чѣтници же ови непотрѣвни. ови же || тако
прч(с)тни** (СДРЯ, т. 6, с. 332).

¹ В круглых скобках здесь и далее показано количество словоупотреблений конкретных лексем по данным Словаря древнерусского языка. – О.Д., О.Я.

² <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/148598/>.

3. Отвлечённые существительные с суффиксами *-ениѣ-* и *-ств-*: **ходатанство** ‘заступничество, помощь; посредничество’ (Срезн., т. 3, ч. 2, стб. 1382), **съшьствник** ‘схождение, нисхождение’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 269); **исходство** – ‘выход за пределы’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 348). Сравните:

Дѣхъ ѿ Оца исходитъ, нъ не рождествомъ, нъ исходствомъ (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 348).

Субстантивный блок словообразовательного гнезда *-шед-* в древнерусском языке включает около 40 производных единиц. Основная часть существительных в нём – слова с отвлечённой семантикой, в большинстве случаев обозначающие процесс перемещения. Таковы, например, **шьствник** ‘движение’ (Срезн., т. 3, ч. 2, стб. 1605), **изшьствник** ‘выход, уход’ (СДРЯ, т. 4, с. 130), **прешествованик** ‘переход через что-либо’ (**Не кдинъ бы (с) поутъ, како(ж) премоудрыи Зла(т)оустъ гать, но кокмоуждо колѣноу вода стѣбноу станаше, како многомъ бытии прешествованиа людскаго** (СДРЯ, т. 8, с. 337)). Субstantивы с *-шед-* могут быть синонимичны дериватам с корнями *-ид-* и *-ход-*, образованным по схожим словообразовательным моделям. Ср.: **въшьствник** (СДРЯ, т. 2, с. 235), **вънитик** (СДРЯ, т. 2, с. 183), **въхоженик** (СДРЯ, т. 2, с. 231). Можно заметить, что основное значение у всех трёх субстантивов одинаковое (‘вхождение, приход’) и различаются они частотностью (самое употребительное – **въшьствник**), что обусловлено контекстуальной спецификой. Примеры других синонимических групп производных: **наитик** (СДРЯ, т. 5, с. 149), **нахоженик** (СДРЯ, т. 5, с. 212), **нашьствник** (СДРЯ, т. 5, с. 221); **сънитик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 25, с. 264), **съхоженик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 29, с. 108), **съшьствник** (СлРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 269).

Варьирование возможно и в границах одного словообразовательного гнезда: **пришьствник** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 84) – **пришьльствник** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 83) – **пришьльство** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 83) – **пришьльствованик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 83). Процесс этот в ходе формирования последнего продолжается на разных этапах развития языка и является свидетельством конкурирования словообразовательных моделей и созревания соответствующего механизма.

Адъективный блок в структуре глагольных словообразовательных гнезд начинает оформляться также в древнерусском языке. Это прилагательные 1) относительные, например **въходьныи** ‘служащий для выхода’ (СДРЯ, т. 2, с. 259), **непрѣходьныи** ‘такой, который нельзя или трудно перейти, непроходимый, гибельный’ (СДРЯ, т. 5, с. 339); 2) единичные притяжательные, как **отъходьничии** со значением ‘отшельничий’ (СДРЯ, т. 6, с. 300). Большинство образовано от отглагольных существительных типа **ходъ**, **въходъ** с помощью суффикса *-н-*, однако встречаются и более сложные способы словопроизводства. В частности, адъектив **доброходьныи** со значением ‘лёгкий на ногу, имеющий быструю походку’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 269) образован сложением и суффиксацией. Почти все прилагательные имеют антоним с приставкой *не-*, возникший примерно в то же время. Это, например, **входьныи** в своём втором значении

‘доступный для входа’ (СДРЯ, т. 2, с. 231), вступающее в антонимические отношения с **невходьныи** ‘недоступный для входа’ (СДРЯ, т. 5, с. 239). Другие антонимические пары гнезда: **прѣходьныи** (СДРЯ, т. 8, с. 330) – **непрѣходьныи** (СДРЯ, т. 5, с. 339), **оттъходьныи** (СДРЯ, т. 6, с. 300) – **неоттъходьныи** (СДРЯ, т. 5, с. 317), **проходьныи** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 280) – **непроходьныи** (СДРЯ, т. 5, с. 345).

Адъективный блок древнерусского гнезда с корнем *-шед-* представлен в основном адъективированными причастиями: **прежевъшьдъшни** ‘ранее вошедший’ (СДРЯ, т. 8, с. 138), **прежеошьдъшни** ‘умерший раньше’ (СДРЯ, т. 8, с. 142), **съшьствьныи** ‘сопутствующий, спутник’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 26, с. 269), **нешьствованыи** ‘труднопроходимый’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 358). Отметим особо **самошьствивыи** ‘самостоятельно движущийся’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 23, с. 54) – кальку с греческого (αὐτοχίητος), образованную с помощью сложения основ:

Гнаѣ соушьноу саму в себѣ... самошьствивоу, дѣнствьноу (Срезн., т. 3, ч. 1, стб. 254).

В древнерусском языке в рассматриваемом словообразовательном гнезде появляется прилагательное **пришьльчньныи** ‘скитальческий’ (СДРЯ, т. 8, с. 648), а в памятнике конца XIV в. используется уже слово **пришьльи**, дошедшее до наших дней, причём его значение совпадает с современным³:

И тѣмъ людем и пришьльи... не надобѣ моя дан (Срезн., т. 2, ч. 2, стб. 1498).

В старорусском языке (XV – XVII вв.) исходная пространственная семантика перемещения часто трансформируется в семантику времени [1, с. 146–147]. В этот период происходит образование новых производных с корнями *-ход-* и *-ид-* с соответствующим (темпоральным) семантическим компонентом, например **мимоходство** ‘временное, краткое, как бы по пути, пребывание в земной жизни’:

Стень во мимоходство житие наше есть (СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 161).

Отмечено, кроме того, появление лексико-семантических вариантов (далее – ЛСВ) или омонимов с временным значением, таких как **изойти** ‘истечь, окончиться (о времени)’:

А то хотятъ тѣ прелестъ явити как изойдетъ наша пасхалиа (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 196).

В то же время отдельные производные, которые в современном русском языке не только утратили своё первоначальное значение, но и подверглись деэтимологизации, в старорусский период ещё сохраняли семантический компонент ‘движение, перемещение’. Показательны в этой связи **безъисходно** ‘не уходя, безотлучно, постоянно’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 1, с. 129) или **необходимый** ‘такой, от которого нельзя уклониться, неминуемый’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 192):

Видь, слышателю: необходимая наша бѣда; невозможно миновать! (СлРЯ XI–XVII, вып. 11, с. 193).

³ <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/185950/>.

Продолжается формирование семантической структуры префиксальных производных. Отметим, что многие ЛСВ, появившиеся в старорусский период, сохраняются и в современном русском языке: **пронти** ‘подвергнуть какой-либо обработке поверхность чего-либо’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 145), **выити** ‘выйти из производства, появиться в готовом виде’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 208), **зангтися** ‘долго, безудержно смеяться’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 206). Некоторые из лексических значений вершинного глагола **итти** появляются после XIV в. Речь идёт о ‘пролегать, простираться’; ‘тратиться, расходоваться’; ‘равномерно поступать (о доходах)’; ‘падать (об осадках)’; ‘течь, протекать, проходить (о времени)’; ‘приближаться, клониться к чему-либо’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 357). Например:

Црства ко исходу идяху (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 357).

Активный для старорусского языка процесс формирования категории оценочности [1, с. 147] во многом определяет динамику исследуемых словообразовательных гнезд. Так, пополнение именного блока идёт за счёт существительных с суффиксами соответствующей семантики, например *-ишк-*: **доходишко** (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 346), **прихожанишко** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 70), **иноходчишко** ‘уменьш.-уничиж. к лошади, идущей иноходью’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 244). Тенденция к суффиксальному образованию существительных с выраженной оценочной семантикой обнаруживает себя и в гнезде с корнем *-шед-*: **пошлинка** ‘уменьш. к **пошлина** (налог)’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 84–86) и **пришлинка** ‘уменьш. к **пришлина** (отдалённое уголье)’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 85–86). Определённую оценочность выражают и некоторые прилагательные с суффиксом *-ичн-*, например **доходичный** ‘наследственный’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 346), **отходичный** ‘склонный к уединению’ (**Рече о горлицы... отходичныа есть зило и в пустыни живеть** (СлРЯ XI–XVII, вып. 14, с. 58).

В это время активизируется и процесс образования двуприставочных глаголов путём присоединения вторичной приставки *по-* с диминутивной (смягчительной) семантикой: **поотойти** ‘отойти на некоторое расстояние’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 75), **попойти** ‘пройти небольшое расстояние, отойти недалеко’ (**Да поперегъ болотца попошедь, выкопаны двѣ ямы съ обе стороны межи** (СлРЯ XI–XVII, вып. 17, с. 90)). По своей стилистической окраске данные глаголы тяготеют к живой речи, о чём свидетельствует, помимо прочего, жанрово-стилевая принадлежность памятников.

Важной морфолого-словообразовательной тенденцией развития рассматриваемых нами словообразовательных гнезд в XV – XVII вв. становится образование возвратных глаголов и закрепление возвратных местоимений *ся, съ* в качестве глагольных постфиксов. Отдельные возвратные глаголы функционировали и в древнерусском языке, однако их число было невелико. Преимущественно с XV в. *ся* и *съ* становятся частью основы, и словообразовательное гнездо с вершиной *ход-* пополняется такими производными, как **доходитися** ‘хождением довести себя до каких-либо неприятных последствий’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 346), **находитися** ‘находиться, пребывать’ (СлРЯ XI–XVII,

вып. 10, с. 300), **обходитися** ‘обращаться каким-либо образом, проявлять какое-либо отношение’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 187), **проходитися** ‘прогуливаться’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 279). В словообразовательном гнезде *ид-* это новообразования **найтися** (СлРЯ XI–XVII, вып. 10, с. 108), **обойтися** (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 120), **изойтися** (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 196).

Динамика каждого из исследуемых словообразовательных гнёзд определяется как общими тенденциями, так и своими особенностями. Так, старорусский период – время появления в словообразовательном гнезде *шед-* новой группы слов – существительных женского рода с нулевым окончанием: **зашлость** ‘столкновение, инцидент’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 340), **пошесть** ‘нашествие, напасть’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 83) и **пришедь**, значение которого можно определить как ‘место собрания, скопления людей’:

И тѣми портками зацепило за подворотню, и тѣто дѣ которые люди на пришеди чѣли смеятца (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 83).

Морфолого-словообразовательной особенностью динамики старорусского словообразовательного гнезда *ход-* является образование притяжательных прилагательных с суффиксами *-ев-* и *-ск-*: **пѣшеходцевъ** (СлРЯ XI–XVII, вып. 15, с. 41), **пронсхоженский** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 143), **выходцевъ** (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 273), **пронсхожденевъ** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 143). К примеру:

И к праздникомъ на водосвященне богоявления господня, и на пронсхожденевъ деньъ день... с образы ходити (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 143).

XVIII в. – период формирования единого национального русского литературного языка. Это сложный и интересный этап, для которого характерны изменения в разных языковых подсистемах, включая словообразование. Корневые *-ид-*, *-ход-*, *-шед-* обнаруживают явную тенденцию к сближению и даже объединению. В первую очередь это обусловлено развитием категории вида и системным характером формирования соответствующих пар. Если в древнерусском языке у глаголов **възйти** (СДРЯ, т. 2, с. 64–66) и **възходити** (СДРЯ, т. 2, с. 137–138) совпадали лишь три лексических значения из семи (‘подняться, взойти’, ‘появиться над горизонтом (о светилах)’, ‘вернуться назад’), а у глаголов **наити** (СДРЯ, т. 5, с. 149) и **находити** (СДРЯ, т. 5, с. 211–212) – четыре значения из семи (‘прийти, явиться’, ‘обнаружить, найти’, ‘напасть на кого-либо’, ‘охватить кого-либо, овладеть кем-либо’), то в XVIII в. семантическая структура префиксальных глаголов, образующих видовые пары, сближается. Такovy **восходити** и **взыти** (СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 135–137), **входити** и **внити** (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 34–36), **доходити** и **дойти** (СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 182–184) и др. Чаще всего это вторичные имперфективы. Эти глаголы уже в XVIII в. различаются видовой принадлежностью и семантико-грамматическим показателем однонаправленности/разнонаправленности перемещения.

Динамический анализ словообразовательных гнёзд с вершинами *ход-*, *ид-*, *шед-* позволяет выявить и уменьшение их объёма в данный период. К примеру, в составе словообразовательного гнезда *ход-* в старорусском языке, по данным Словаря русского языка XI–XVII вв., было более трёхсот производных,

а в XVIII в. мы выделили около 180 слов с корнем *-ход-*, из которых тридцать – приставочные глаголы. Словообразовательное гнездо *ид-* к XVIII в. уменьшилось с семидесяти до пятидесяти слов (40 производных – глаголы). В известной степени это связано со стилистическими изменениями, в частности выходом из употребления значительного пласта старославянской сугубо книжной лексики: **окръжнохождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 249), **празднохождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 132), **предходатай** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 217), **воздухошественный** ‘открытый движению воздуха’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 289), **единошественный** ‘идуший вместе с кем-либо’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 32) и др.

Именной блок данных словообразовательных гнезд уменьшился в связи с выходом из речевого обихода большого числа существительных-старославянизмов абстрактной семантики, например: **изыгтик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 6, с. 219), **произыгтик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 141), **пронгтик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 145), **взыгтик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 2, с. 166), **мимоиттик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 9, с. 159), **занденик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 203–204), **овиденник** (СлРЯ XI–XVII, вып. 12, с. 49–50), **преиттик** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 243), **выхожение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 273), **дохождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 4, с. 346) и др. Этот процесс сопровождается усилением связей между *-ход-*, *-ид-*, *-шед-*, результатом которого стала утрата дериватов с корнем *-ид-*, чьи значения вбирали в себя слова с *-ход-* и *-шед-*. Так, **произыгтик**, **пронгтик** со значением процесса уступили место более частотному синониму *прохождение* (САР, ч. 3, стб. 270), слово **занденик** вышло из употребления, а основным выразителем значения ‘действие по глаголу *зайти*’ стала лексема *заход* (СлРЯ XVIII, вып. 8, с. 133). Утрата существительного **взыгтик** могла быть связана с закреплением в речевом узусе слов *восход* (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 100–101) и *восшествие* (СлРЯ XVIII, вып. 4, с. 102).

Другая причина уменьшения количественного (а во многом и качественного) состава рассматриваемых словообразовательных гнезд – утрата многих случаев варьирования. Так, в словообразовательном гнезде с основой *ид-* из ряда производных глаголов **предитти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 190), **предипитти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 190), **предпонтти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 204), **предъитти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 219) со значением ‘идти вперёд или впереди’ в XVIII в. закрепилось только последнее (САР, ч. 3, стб. 257). В то же время словообразовательное варьирование как явление не исчезает, обнаруживая себя в таких примерах, как:

<i>отшельник</i>		<i>отшельнический</i>
		<i>отшельничий</i>
		<i>отшельной</i> ‘принадлежащий, свойственный отшельнику, предназначенный для отшельников’ (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 130)

Заметим, что прилагательное *отшельной* может субстантивироваться:

Есть ли спокойство *отшельных*,

Скромна нас жизнь веселит <...>

Всякая радость с тобой благовонный цветет (СлРЯ XVIII, вып. 18, с. 130).

Продолжают конкурировать модели образования отвлечённых существительных с суффиксами *-ениј-* и *-ость*, при этом активизируется модель безаффиксного отглагольного их словопроизводства. Предполагаем, что слова **выхождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 273), **захождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 5, с. 334), **отхождение** (СлРЯ XI–XVII, вып. 14, с. 59) вышли из употребления вследствие закрепления в речевом узусе безаффиксных дериватов *выход* (СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 63), *заход* (СлРЯ XVIII, вып. 8, с. 133) и *уход* (САР, ч. 3, стб. 281). По модели на *-ость* в XVIII в. образуются слова *обходительность* (СлРЯ XVIII, вып. 16, с. 105), *необходимость* (СлРЯ XVIII, вып. 14, с. 236), *невосходимость* ‘недоступные, трудные для восхождения места’ (СлРЯ XVIII, вып. 14, с. 148).

Заметно сократилось в описываемый период количество двупривставочных глаголов. Вышли из употребления такие глаголы, как **прозайти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 20, с. 129), **перейти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 14, с. 299), **воспринти** (СлРЯ XI–XVII, вып. 3, с. 51). Некоторые двупривставочные производные, входящие в состав рассматриваемых словообразовательных гнезд, продолжают своё существование в современном русском языке, как правило, с сопутствующей десемантизацией. Например, утратили соответствующую связь с исходной производящей основой лексемы *презойти* (САР, ч. 3, стб. 225–226), *прозойти* (САР, ч. 3, стб. 240–241) и *снизойти* (САР, ч. 3, стб. 246). Подобные дериваты – с несколькими префиксами – чаще всего употреблялись в произведениях высокого стиля, некоторые слова уже в XVIII в. приобрели современные значения: *необходимость* ‘свойство и качество необходимого’ (СлРЯ XVIII, вып. 14, с. 236), *превосходство* (САР, ч. 3, стб. 226) и др.

Одной из ведущих динамических тенденций в исследуемых глагольных словообразовательных гнездах в период становления единого национального литературного русского языка можно считать формирование на их базе терминологических групп. В XVIII в. идёт увеличение количества слов-терминов – как новообразований, так и семантических вариантов терминологического характера. Словообразовательное гнездо с корневым *-ход-* пополняется новыми терминами: *кораблехождение* (СлРЯ XVIII, вып. 10, с. 167), *ветроход* ‘вентиляционное отверстие в стене градирни’ (СлРЯ XVIII, вып. 3, с. 84), *лозоходец* ‘разведчик рудных месторождений, пользующийся лозой’ (СлРЯ XVIII, вып. 11, с. 221), *выходок* ‘выходная часть чего-либо’ (СлРЯ XVIII, вып. 5, с. 64) и др. В словообразовательном гнезде с *-ид-* новые слова-термины нами не обнаружены, однако у ряда глаголов формируются ЛСВ терминологического характера. Так, вершинный глагол *итти* приобрёл значения ‘быть в действии, работать (о механизме, его движущихся частях)’, ‘расти, развиваться (о растении)’, ‘ловиться (на приманку)’, ‘входить, вдвигаться (о том, что надевают, всовывают, вбивают внутрь чего-либо)’ (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 172–175):

Желѣзной клино-образный наконечник у сваи, чтобы она могла в твердой грунт *итти* (СлРЯ XVIII, вып. 9, с. 175).

Термин *давнопрошедшее время* впервые употребляется М.В. Ломоносовым в «Российской грамматике» (1755):

Давно *прошедшия времена* заключают в себя учащение или продолжение (СлРЯ XVIII, вып. 6, с. 26).

Терминологическое сочетание *прошедшее время*, обозначающее другую грамматическую категорию глагола, также появляется в русском языке в XVIII в. (САР, ч. 3, стб. 271).

Интересны примеры семантической деривации в составе словообразовательного гнезда с вершиной *-шед-*. Если в старорусском языке слово *прошлецъ* имело значение ‘опытный в чём-либо’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 21, с. 11), то во втором издании «Словаря Академии Российской» оно уже дано как имеющее значение ‘пройдоха’:

Онъ великой *прошлецъ* (САР, ч. 3, стб. 271).

Слово *предшествие*, образованное в древнерусском языке, не фиксируется в письменных памятниках XV – XVII вв., но вновь входит в употребление в XVIII в. Древнерусское существительное *предъшьствик* имело значение ‘подготовка, приготовление пути’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 218), то есть подготовка перед самим шествием. В XVIII в. указанное слово приобретает значение ‘шествие, движение перед кем-либо’ (САР, ч. 3, стб. 259).

Образованное в древнерусском языке прилагательное *пошлый* ‘исконный, истари существующий’, ‘искони принадлежащий кому-либо’, ‘прилежащий к древней, исконной династии’, ‘настоящий, действительный’ (СлРЯ XI–XVII, вып. 18, с. 86–87) приобретает негативную оценочную семантику именно в XVIII в. М. Фасмер в своём этимологическом словаре предлагает для сравнения немецкое слово *gemein* ‘общий, всеобщий; низкий, подлый’, значение которого предположительно могло повлиять на семантику русского слова (Фасм., т. 3, с. 349). Впервые в письменной речи слово *пошлый* в значении ‘низкий, ничтожный в нравственном отношении’ фиксируется в комедии Е.Р. Дашковой «Гоисиоков» (1786):

Да ведь я ей не верю; она обо мне думает, что я *пошлый* дурак и что всякий меня проводить может (НКРЯ).

В современном русском языке самым крупным из трёх глагольных словообразовательных гнезд является словообразовательное гнездо с корнем *-ход-*, которое включает от 400 (по данным БТС) до 470 (по данным ССРЯ) слов. Такое количество, с одной стороны, свидетельствует о высоком деривационном потенциале единиц словообразовательного гнезда, а с другой – об относительной устойчивости его состава. Практически все производные в современном словообразовательном гнезде с корнем *-ид-* (92%) – это слова, образованные в предшествующие периоды развития русского литературного языка. В нём менее 40 слов (по данным ССРЯ – 34). Словообразовательное гнездо с вершинным *-шед-* в современном русском языке, в отличие от словообразовательных гнезд с основой *ход-* и *ид-*, фактически перестаёт существовать. Большинство слов с корнем *-шед-* (55%) утратило связь с семантикой движения, перемещения. Как отдельное с синхронных позиций выделяется А.Н. Тихоновым словообразовательное гнездо *путешествовать*, включающее преимущественно префиксальные модификации (*попутешествовать*, *отпутешествовать*, *пропутешествовать* и др.) и суффиксальные существительные (*путешественник* и др.) (ССРЯ, т. 1, с. 847).

Динамика современных словообразовательных гнезд определяется развитием семантической деривации, поскольку, по справедливому замечанию В.М. Маркова, трудно «говорить о развитии словарного состава языка, не касаясь... тех

исходных отношений, которые во многом определяют характер дальнейшего развития лексем» [2, с. 117]. Семантическая структура, например, префиксальных глагольных дериватов осложняется за счёт появления новых ЛСВ. Так, *ходить*, *проходить*, *расходиться* имеют в современном русском языке 17 ЛСВ, *переходить* – 16, более 10 значений имеет глагол *отходить*. В частности, *ходить* – это ‘обладать способностью двигаться, ступая ногами’, ‘направляться куда-либо с какой-либо целью’, ‘следовать за кем-либо, чем-либо, сопровождать (обычно в качестве охраны, шпиона, влюблённого, работника и т. п.)’, ‘находиться, пребывать в каком-либо настроении; считаться кем-либо, каким-либо’ и др. (БТС, с. 1448); *расходиться* – ‘уйти откуда-либо в разные места’, ‘не встретиться (обычно в условленном месте); разминуться’, ‘дать возможность проехать, пройти друг другу при встречном движении’, ‘истратиться, израсходоваться (о деньгах, продуктах и т. п.)’ (БТС, с. 1078) и проч. Изменения в семантической структуре слова часто сопровождаются образованием омонимов, что также характерно для словообразовательного гнезда с корнем *-ход-*: здесь отмечено 44 омонима, относящихся к разным частям речи (например, *нахождение*¹ ‘к найти (1 зн.)’ и *нахождение*² ‘пребывание кого-, чего-либо в каком-либо месте’ (БТС, с. 607) или *исходить*¹ ‘ходя, побывать во многих местах’, *исходить*² ‘(устар.) выходить откуда-либо’ и *исходить*³ ‘ослабевать, изнемогать от потери чего-либо’ (БТС, с. 405)). Глаголы *отходить*, *уходить*, в частности, имеют по два омонима: *отходить*¹ ‘передвигаясь, удаляться на какое-либо расстояние’, *отходить*² ‘заботливым уходом добиться выздоровления или улучшения состояния’, *отходить*³ ‘кончить, перестать ходить’ (БТС, с. 765) и *уходить*¹ ‘простирается, тянуться’, *уходить*² ‘изнурить, измучить’, *уходить*³ ‘присмотреть за кем-либо, чем-либо’ (БТС, с. 1410). Глагол *идти* употребляется в русском языке рубежа XX – XXI столетий в 30 свободных значениях и является самым многозначным словом (БТС, с. 375–376).

Другой фактор динамики исследуемых словообразовательных гнезд в современном русском языке стилистический. Новые лексические и семантические дериваты часто приобретают разговорную и оценочную маркированность. Например, *пешеходка* ‘пешеходный туристический маршрут’ (БТС, с. 830); *дойти* ‘достигнуть полной готовности (о том, что варится, печётся и т. п.)’ («Пирог дошёл») (БТС, с. 269); *подойти* ‘приблизиться к какому-либо времени, возрасту, моменту’ («Подойти к тридцати годам») (БТС, с. 874).

Можно назвать целый ряд производных слов, функционально относящихся к официально-деловой речи: *невыход* ‘неявка на работу, службу’ (БТС, с. 616); *исходящий* ‘отправляемый из учреждения (о документах, корреспонденции и т. п.)’ (БТС, с. 405); *войти* ‘обратиться куда-либо с чем-либо, представить что-либо для рассмотрения, решения’ (БТС, с. 145). Стилистически маркированы как относящиеся к научному стилю производные *вход* ‘вызов, запуск программы’ (БТС, с. 165); *довсходовый* ‘производимый до появления всходов’ (БТС, с. 266); *проходимость* ‘способность пропускать что-либо (об органах человека или животного)’ (БТС, с. 1036).

Говорить об активном процессе словопроизводства внутри изучаемых подсистем можно только применительно к словообразовательному гнезду с корнем *-ход-* за счёт образования слов с терминологическими значениями. Получившая в XVIII в. сильный толчок к развитию, сегодня эта подсистема у *-ход-* включает

более 50 слов (*переходник* (БТС, с. 822), *склоноход* (БТС, с. 1196), *ходкость* (БТС, с. 1448) и др.). В процессе образования новых терминологических единиц задействованы такие способы, как сложение основ (*снегоход* (БТС, с. 1222), *рыбоход* (БТС, с. 1136), *турбоход* (БТС, с. 1353)), аббревиация (*орграсходы* (БТС, с. 724)), суффиксация (*ходовик* (БТС, с. 1448)) и смешанные (*трёхходовка* (БТС, с. 1344)).

Обобщая вышеописанный материал, можно сделать ряд выводов относительно основных динамических тенденций формирования исследуемых словообразовательных гнезд.

1. В древнерусском языке формируются все основные глагольные префиксальные парадигмы словообразовательных гнезд с корнем *-ид-*, *-ход-*, *-шед-*, а также субстантивные и адективные.

2. В старорусский период (XV – XVII вв.) в них происходят важные словообразовательные, семантические и грамматические изменения, связанные с развитием категорий возвратности и оценочности в языке, а также с процессом видообразования.

3. В XVIII в. взаимодействие словообразовательных гнезд с корнями *-ид-*, *-ход-*, *-шед-* усиливается. Многие процессы при этом определяются стилистическими и семантическими закономерностями: ослабевает словообразовательное варьирование, происходит дифференциация словообразовательных синонимов, системный характер приобретает процесс образования видовых пар за счёт вторичной имперфективации.

4. В современном русском языке в словообразовательном гнезде с вершинным *-ход-* активно развивается омонимия и увеличивается число новых подгнезд, расширяется круг словообразовательных моделей и способов деривации. Функциональная динамика часто определяется расширением стилистических возможностей реализации входящих в словообразовательное гнездо единиц.

Полученные результаты имеют важное значение для дальнейшего применения синхронно-диахронного метода в исследованиях по словообразованию с целью перехода от констатирующего способа описания исторических процессов к объяснительному.

Источники

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
- САР – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный: в 6 ч. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1814. – Ч. 3: К–Н. – 1444 стб.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.): в 11 т. – М.: Рус. яз., 1989. – Т. 2: Възалкати–Добродѣтельникъ. – 493 с.; 1990. – Т. 3: Добродѣтельно–Изжечиса. – 510 с.; 1991. – Т. 4: Изживати–Моление. – 557 с.; 2002. – Т. 5: Молимь–Обячьнь. – 644 с.; Т. 6: Овадь–Покласти. – 602 с.; 2008. – Т. 8: Пре–Пробѣжение. – 761 с.
- СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI – XVII вв.: в 30 вып. – М.: Наука, 1975. – Вып. 1: А–Б. – 371 с.; Вып. 2: В–Волога. – 319 с.; 1976. – Вып. 3: Володѣнье–Вяцьшина. – 288 с.; 1977. – Вып. 4: Г–Д. – 403 с.; 1978. – Вып. 5: Е–Зинутие. – 392 с.; 1979. – Вып. 6: Зипунь–Иянуарий. – 359 с.; 1982. – Вып. 9: М. – 357 с.; 1983. – Вып. 10: Н–Наятиса. – 327 с.; 1986. – Вып. 11: Не–Нятыи. – 456 с.; 1987. – Вып. 12: О–Опарный. – 381 с.; 1988. – Вып. 14: Отрава–Персона. – 311 с.; 1989. – Вып. 15: Персть–Подмышка. – 285 с.; 1991. – Вып. 17: Помаранець–Потишати. – 296 с.; 1992. – Вып. 18: Потка–Преначальный. – 288 с.; 1995. – Вып. 20: Присвоение–Прочнутиса. – 288 с.; Вып. 21:

- Прочный–Раскидати. – 278 с.; 1996. – Вып. 23: Съ–Сдымка. – 253 с.; 1999. – Вып. 24: Се–Скорый. – 254 с.; 2000. – Вып. 25: Скорынья–Снулый. – 273 с.; 2004. – Вып. 26: Снурь–Спарывати. – 277 с.; 2011. – Вып. 29: Сулегы – Тольмиже. – 477 с.
- СЛРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века: в 19 вып. – Л.: Наука, 1987. – Вып. 3: Век–Воздувать. – 296 с.; 1988. – Вып. 4: Воздух–Выпись. – 256 с.; 1989. – Вып. 5: Выпить–Грызть. – 256 с.; 1991. – Вып. 6: Грызться–Древный. – 256 с.; СПб.: Наука, 1995. – Вып. 8: Залезть–Ижоры. – 256 с.; 1997. – Вып. 9: Из–Каста. – 270 с.; 1998. – Вып. 10: Кастальский–Крепостца. – 256 с.; 2000. – Вып. 11: Крепость–Льняной. – 256 с.; 2004. – Вып. 14: Напролет–Непоцелование. – 280 с.; 2006. – Вып. 16: Обломить–Онца. – 278 с.; 2011. – Вып. 18: Открытие–Пѣна. – 261 с.
- ССРЯ – Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – М.: Рус. яз., 1990. – Т. 1. – 856 с.; Т. 2. – 887 с.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд: в 39 вып. – М.: Наука, 1981. – Вып. 8. – 252 с.
- Срезн. – Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. – М.: Книга, 1989. – Т. 2, ч. 2: П. – 853–1802 стб.; Т. 3, ч. 1: Р–С. – 910 стб.; Т. 3, ч. 2: Т–Я. – 911–1684 стб.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – URL: <http://ruscorpora.ru>, свободный.
- Фасм. – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – М.: Прогресс, 1987. – Т. 3: Музя–Сят. – 832 с.

Литература

1. Дмитриева О.И., Крючкова О.Ю. Динамика словообразовательных процессов: семантико-когнитивный, жанрово-стилистический, структурный аспекты. – Саратов: Науч. кн., 2010. – 364 с.
2. Марков В.М. Избранные работы по русскому языку. – Казань: ДАС, 2001. – 275 с.
3. Гунько О.Г. Формирование и развитие субстантивной конфикации в русском языке XI – XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012. – 24 с.
4. Кадькалов Ю.Г. Динамика семантико-словообразовательной структуры отвлечённых существительных с суффиксом *-uj-* (*-j-*) в русском языке // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / Под ред. О.И. Дмитриевой. – Саратов: Науч. кн., 2010. – С. 15–63.
5. Кадькалова Э.П. Историческая динамика отношений между основными моделями русских агентивных глаголов // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / Под ред. О.И. Дмитриевой. – Саратов: Науч. кн., 2010. – С. 87–152.
6. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
7. Крушевский Н.В. Очерк науки о языке. – Казань: Тип. Имп. ун-та, 1883. – 151 с.
8. Николаев Г.А. Русское и славянское словообразование: Opera selecta. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – 220 с.
9. Балалыкина Э.А. Мир языка и языки мира: Избр. тр. по рус. яз. и балто-славян. отношениям. – Казань: Яз, 2012. – 319 с.
10. Николаева Т.М. Семантические дериваты в русском и других славянских языках // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Междунар. науч. конф. (Волгоград, 18–20 апр. 2006 г.): в 3 ч. – Волгоград: Изд-во Волгогр. науч. изд-во, 2006. – Ч. 2. – С. 87–93.
11. Баранникова Л.И. О соотношении системного и диахронического подхода к языку (из истории вопроса) // Язык и общество. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. – Вып. 11. – С. 3–6.
12. Трубачёв О.Н. Синхрония, диахрония – und kein Ende... (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по русскому историческому словообразованию. – М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. – С. 16–28.

13. Дмитриева О.И. Диахрония, синхрония, динамика: проблема синхронно-диахронного исследования словообразовательных подсистем // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2012. – № 2. – С. 42–47.
14. Пелихов Д.А. Эволюция корневых словообразовательных гнезд **vrac-*, **lec-*, **cel-* в истории русского языка в сопоставлении с украинским и белорусским: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2009. – 22 с.
15. Иванова А.В. Гнездо с вершиной *-каз-* как системно-структурное образование: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 16 с.
16. Крючкова О.Ю. Семантико-когнитивный анализ словообразовательных гнезд с этимологическим корнем **vold-* // Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка / Под ред. О.И. Дмитриевой. – Саратов: Науч. кн., 2010. – С. 64–86.
17. Янковский О.И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем: гнездо с основой *-ид-* (*идти*) в XI – XVII вв. // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, вып. 1. – С. 33–39.
18. Дмитриева О.И., Янковский О.И. Динамика семантико-словообразовательных подсистем русского языка: историческая динамика словообразовательного гнезда // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. – 2015. – № 3. – С. 26–32.
19. Янковский О.И. Динамика русского гнезда с корнем *-ход-* // Филологические этюды: Сб. науч. ст. молодых учёных. – Саратов: Саратов. гос. ун-т, 2016. – Вып. 19, ч. III. – С. 338–345.

Поступила в редакцию
21.06.17

Дмитриева Ольга Ивановна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской филологии и медиаобразования

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия
E-mail: oidmitrieva55@yandex.ru

Янковский Олег Игоревич, аспирант кафедры русской филологии и медиаобразования

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского
ул. Астраханская, д. 83, г. Саратов, 410012, Россия
E-mail: yankovskoi@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)
ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2017, vol. 159, no. 5, pp. 1295–1312

**Synchronic and Diachronic Analysis of the Word Families of Motion Verbs
(Using the Root Morphemes *-khod-*, *-id-*, and *-shed-* as an Example)**

*O.I. Dmitrieva**, *O.I. Jankovsky***

N.G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, 410012 Russia
E-mail: *oidmitrieva55@yandex.ru, **yankovskoi@mail.ru

Received June 21, 2017

Abstract

The paper provides a comprehensive justification of the principles and methods of synchronic and diachronic research on word-formation subsystems of the Russian language. We have also studied the ways of analyzing the historical dynamics of the word family as the main macro-unit of the word-

formation system. In the field of analysis, there are families of words with the stems *-khod* (-ход-), *-id* (-ид-), and *-shed* (-шед-) having both etymological and structural-semantic links in the history of the Russian language. The significance of motion verbs in the linguistic world image determined the early formation of these word families, as well as their complex structure and volume.

The relevance of the study is determined by the need for systematic synchronic and diachronic research on word-formation subsystems of the Russian language, the traditions of which date back to the Kazan linguistic school.

The research has been carried out with the purpose of revealing both general laws of evolution of verbal word families with the stems *-khod*-, *-id*-, and *-shed*- and the structural and semantic peculiarities of their historical dynamics.

The paper provides a number of examples proving that the general tendencies in the formation of the studied word families in the written history of the Russian language were as follows: firstly, the early character of formation of verbal and nominal paradigms in their structure; secondly, the emergence of new word-formation models at every historical stage; thirdly, the word-formation and semantic variability, both inside and between word families; fourthly, system word-formation processes associated with the development of categories of reflexivity and evaluation in the language.

Based on the results obtained, the following main conclusions have been made:

1. All main verbal prefix paradigms with the stems *-khod*-, *-id*-, and *-shed*- were formed in the Old Russian period.

2. In the Old Russian period, the important word-formation, semantic, and grammatical changes associated with the development of reflexivity and evaluation categories in the language, as well as with the process of verbatation, occurred in the word family.

3. In the 18th century, the interaction between word families with the stems *-khod*-, *-id*-, and *-shed*- increased. Many processes that took place in the word families were determined by the stylistic and semantic laws: a decrease in the variability of word formation; differentiation of word-formation synonyms.

4. In the modern Russian language, homonymy developed actively in the word family with the stem *-khod*- and the number of new word subfamilies increased, the range of derivational models and derivation methods (for example, abbreviation) broadened. The functional dynamics was often determined by the expansion of stylistic possibilities for using stem units of the word family.

The obtained results are of great importance for further application of the synchronic and diachronic method to research on word formation aimed at moving from the ascertaining method of describing historical processes to an explanatory one.

Keywords: linguistic dynamics, synchronic and diachronic method, semantic word-formation subsystem, word family, motion verbs, word-formation variability

References

1. Dmitrieva O.I., Kryuchkova O.Yu. The Dynamics of Derivational Processes: Semantic and Cognitive, Genre and Stylistic, and Structural Aspects. Saratov, Nauchn. Kn., 2010. 364 p. (In Russian)
2. Markov V.M. Selected Works on Russian Language. Kazan, DAS, 2001. 275 p. (In Russian)
3. Gun'ko O.G. Substantive confixation formation and development in the Russian language of the 11th – 17th centuries. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci.* Kazan, 2012. 24 p. (In Russian)
4. Kad'kalov Yu.G. The Dynamics of Semantic and Derivational Subsystems of the Russian Language. *Dinamika semantiko-slovoobrazovatel'noi struktury otvlechennykh sushchestvitel'nykh s suffiksom -uj- (-j-) v russkom yazyke* [The Dynamics of the Semantic and Derivational Structure of Abstract Nouns with *-uj-* (*-j-*) Suffix in the Russian Language]. Dmitrieva O.I. (Ed.). Saratov, Nauchn. Kn., 2010, pp. 15–63. (In Russian)
5. Kad'kalova E.P. The Dynamics of Semantic and Derivational Subsystems of the Russian Language. *Istoricheskaya dinamika otnoshenii mezhdru osnovnymi modelyami russkikh agentivnykh glagolov* [Historical Dynamics of the Relations between the Main Models of Russian Agentive Verbs]. Dmitrieva O.I. (Ed.). Saratov, Nauchn. Kn., 2010, pp. 87–152. (In Russian)
6. Baudouin de Courtenay J.A. Selected Works on General Linguistics. Vol. 1. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1963. 384 p. (In Russian)
7. Krushevskii N.V. Essay on Linguistics. Kazan, Tip. Imp. Univ., 1883. 151 p. (In Russian)
8. Nikolaev G.A. Russian and Slavic Word Formation: Opera Selecta. Kazan, Kazan. Univ., 2011. 220 p. (In Russian)

9. Balalykina E.A. The World of Language and Languages of the World: Selected Works on the Russian Language and Balto-Slavic Relations. Kazan, Yaz, 2012. 319 p. (In Russian)
10. Nikolaeva T.M. Semantic derivatives in Russian and other Slavic languages. *Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Volgograd, 18–20 apr. 2006 g.): v 3 ch.* [Language. Culture. Communication: Proc. Int. sci. Conf. (Volgograd, Apr. 18–20, 2006), 3 pts.]. Volgograd, Izd. Volgogr. Nauchn. Pt. 2, pp. 87–93. (In Russian)
11. Barannikova L.I. On the ratio of the systemic and diachronic approaches to language (from the history of the problem). *Yazyk i obshchestvo* [Language and Society]. Saratov, Izd. Sarat. Univ., 1997, no. 11, pp. 3–6. (In Russian)
12. Trubachev O.N. Synchrony, diachrony – und kein Ende... (marginal notes on Russian historical word formation). *Issledovaniya po russkomu istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Studies on Russian Historical Word Formation]. Moscow, Inst. Russ. Yazyka Ross. Akad. Nauk, 1994, pp. 16–28. (In Russian)
13. Dmitrieva O.I. Diachrony, synchrony, dynamics: The problem of synchronic and diachronic research on word-formation subsystems. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2012, no. 2, pp. 42–47. (In Russian)
14. Pelikhov D.A. The evolution of the root word families *vrac-, *lec-, *cel- in the history of the Russian language as compared to the Ukrainian and Belorussian languages. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Chelyabinsk, 2009. 22 p. (In Russian)
15. Ivanova A.V. The word family with the root -kaz- as a systemic and structural formation. *Extended Abstract of Cand. Philol. Sci. Diss.* Moscow, 1999. 16 p. (In Russian)
16. Kryuchkova O.Yu. The Dynamics of Semantic and Derivational Subsystems of the Russian Language. *Semantiko-kognitivnyi analiz slovoobrazovatel'nykh podsystem russkogo yazyka* [Semantic and Cognitive Analysis of Word Families with the Etymological Root *vold-]. Dmitrieva O.I. (Ed.). Saratov, Nauchn. Kn., 2010, pp. 64–86. (In Russian)
17. Jankovsky O.I. The dynamics of semantic and word-formation subsystems: The word family with the stem -id- in the 11th – 17th centuries. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya Filologiya. Zhurnalistika*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 33–39. (In Russian)
18. Dmitrieva O.I., Jankovsky O.I. The dynamics of semantic and word-formation subsystems of the Russian language: Historical dynamics of the word family. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 2015, no. 3, pp. 26–32. (In Russian)
19. Jankovsky O.I. The dynamics of the Russian word family with the stem -hod-. *Filologicheskie etyudy* [Philological Essays]. Saratov, Sarat. Gos. Univ., 2016, no. 19, pt. III, pp. 338–345. (In Russian)

Для цитирования: Дмитриева О.И., Янковский О.И. Синхронно-диахронный анализ словообразовательных гнезд глаголов движения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 5. – С. 1295–1312.

For citation: Dmitrieva O.I., Jankovsky O.I. Synchronic and diachronic analysis of the word families of motion verbs (using the root morphemes -khod-, -id-, and -shed- as an example). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 5, pp. 1295–1312. (In Russian)